

Мозаика

№ 1517

10 ноябрь 1896 г. (Сонинский)

«

* * *

Третьяго дня въ намъ залетѣла изъ далекаго холоднаго и туманнаго Петербурга Чеховская Чайка, которую тщетно пытались подстрѣлить столичные рецензенты.

Крупный талантъ А. Чехова сквозить въ каждой фразѣ, въ каждомъ словѣ этой четырехъ-актной драмы.

Нѣтъ въ ней обычной шаблонности. Авторъ не желаетъ считаться съ требованіями и традиціями сцены.

Но зато у него бездна свѣжести, оригинальности. Что ни персонажъ, то живое, облеченное въ плоть и кровь, лицо.

Нѣсколько кажутся утрированными фигуры учителя Медвѣденка и управляющаго Шамраева, но и эта перерисовка теряется въ общей массѣ очерченныхъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ типовъ и ничуть не нарушаетъ общей гармоніи цѣлаго произведенія.

А. Чеховъ густыми, плотными и яркими мазками нарисовалъ великолѣпную картину нравовъ современнаго общества.

Здѣсь и отживающій свой вѣкъ гражданскій генералъ судебнаго вѣдомства, и знаменитый беллетристъ, и бывшая артистка казенной сцены, и начинающій писатель-декадентъ, и безпечный бонвиванствующій докторъ, въ молодости сводившій съ ума всѣхъ провинціальныхъ барышень и дамъ, и восторженная дѣвушка, дочь богатаго помѣщика, стремящаяся къ славѣ и извѣстности, какъ мотылекъ къ огню, и еще много разныхъ лицъ.

* * *

Пьеса смотрится отъ начала до конца съ неослабывающимъ интересомъ. Есть акты, гдѣ на сценѣ все время остаются только два лица и притомъ разсуждаютъ они лишь о „превыспреннихъ матеріяхъ“—задачахъ литературы, формахъ искусства и т. п.

Но это такъ близко сердцу каждого, такъ глубоко затрогиваетъ лучшія стремленія человѣческой души, что зритель съ захватывающимъ вниманіемъ ловитъ каждое слово, каждый звукъ.

Х Борисъ Алексѣевичъ Тригоринъ въ художественной передачѣ г. Рощина-Нисарова всталъ передъ зрителями во весь свой ростъ со всѣми достоинствами и съ еще большимъ количествомъ недостатковъ—безволіи, кисляйства, безвердіи и эгоизма.

Сцены перваго объясненія съ Наной Зарѣчной, а затѣмъ прощанія съ нею были проведены такъ подкупающе-просто и такъ художественно-вѣрно, что самъ прототипъ Тригорина въ такихъ положеніяхъ не могъ быть жизненнѣе, правдивѣе и искреннѣе.

Въ томъ и состоитъ обаяніе и чарующая сила художника-артиста, что онъ въ сущности обыденныя жизненныя явленія облачаетъ въ причудливыя и заманчивыя краски своеобразнаго толкованія, сообщая имъ новый, безъ этого толкованія ускользающій отъ насъ, смыслъ и значеніе.

* *

Нина Михайловна Зарѣчная весьма много выиграла бы, если бы изображала не г-жу Морская. Холодомъ, дѣланностью, ходульностью вѣтъ отъ каждаго ея слова, каждаго движенія. Прорывались, впрочемъ, изрѣдка вспышки искренности и неподдѣльности чувства, но они терялись въ общемъ наслоеніи непріятныхъ впечатлѣній отъ этой деревянной, ни сколько не трогающей сердце зрителя игры.

В. И. Немировичъ хорошо была за-гримирована. Никакихъ упрековъ не могли заслужить ея парикъ, платье, знаніе роли и пр.

Но Ирины Николаевны Аркадиной—этой блестящей актрисы, способной командовать, какъ пѣшкой, капризнымъ и избалованнымъ Тригоринымъ,—мнѣ ни одинъ разъ во все продолженіе четырехъ актовъ „Чайки“ не удавалось видѣть.

Лучшимъ цѣнителемъ игры г. Анчарова-Ольстона явилась публика, надрывавшаяся отъ смѣха въ самые трагическіе моменты его игры.

Бѣдный Треплевъ! Онъ еще одинъ разъ повторилъ бы жизнь самоубій-

ством, если бы случайно попал
въ театр Сполучила 12 ноября.

<...>

Кремень.

<И. И. Висоцкій>